

УДК 81:821.222.8

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОСТЫХ АРАБИЗМОВ В «ХАМСЕ»
ХОДЖУ КИРМОНИ (НА ПРИМЕРЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО)**

Додоходжаева П.И.

В статье рассматривается вопрос об уровне употребления некоторых простых арабизмов в «Хамсе» Ходжу Кирмони на примере имени прилагательного. Подчеркивается, что заимствование иноязычных слов и перенос языковых элементов из одного языка в другой представляет собой двустороннее лингвистическое явление, присущее каждому языку. Подводя итоги анализа по исследуемой проблеме, можно прийти к выводу, что большинство арабских заимствований в «Хамсе» Ходжу представляют собой простые лексемы, которые в тексте выступают в роли существительных, прилагательных и наречий.

Ключевые слова: существительные, прилагательные, наречия, арабские заимствования, языковые элементы, простые лексемы, «Хамсе» Ходжу, языковое явление, часть, текст.

**THE USAGE OF SIMPLE ARABISMS IN “KHAMSA”
BY KHOJU KIRMONI (ON THE EXAMPLE OF ADJECTIVE)**

Dodokhojaeva P.I.

The article dwells on the issue concerned with the level of usage of some simple Arabisms in “Khamisa” by Khoju Kirmoni on the example of adjective. It is underscored that the borrowing of foreign words and the transfer of linguistic elements from one language to another is a two-way linguistic phenomenon inherent in each language. Summing up the results of the analysis on the studied problem, one can come to the conclusion, that the majority of Arabic borrowings in “Khamisa” by Khoju are simple lexemes, which in the text act as nouns, adjectives and adverbs.

Keywords: nouns, adjectives, adverbs, Arabic borrowings, linguistic elements, simple lexemes, “Khamisa” by Khoju, linguistic phenomenon, part, text.

В ходе заимствования лексических единиц, процессу усвоения, по большей части, подвергаются простые слова, которые, проникнув в лексический состав заимствующего языка, способствуют его обогащению и совершенствованию. Другой особенностью заимствованных простых слов является их активное участие в словообразовании и создании словосочетаний. Эту особенность заимствованные слова приобретают в результате адаптации и укоренения в словарном фонде принимающего языка [11, с. 29-35; 12, с. 27-34].

Некоторые арабизмы в составе персидско-таджикского языка претерпели такие формально-семантические изменения, которые нельзя встретить в диалектах, говорах и словарях исходного языка. Примером могут послужить слова «ирода» (намерение) и «иродат» (чистосердечность, дружба), «мурочиа» (обращение) и «мурочиат» (возвращение), вторичные формы которых в арабском языке не пользуются известностью. Как отмечает языковед Б. Камолиддинова, известный ученый, автор трудов по истории и литературе народов Средней Азии Садриддин Айни (1878-1954) также выступал за правильное употребление арабских заимствований, давно усвоившихся и ставших употребительными в таджикском языке. В ответ на замечания А. Мунзима, в том числе по поводу употребления производного слова «боғайрат» (усердный), ученый подчеркивал: «если таджики арабское слово "ғайрат" стали использовать в другом значении, то есть вытеснив его первоначальное значение, к чему нам избегать этого ?...» [2, с. 59-60].

Таким образом, именно в результате проникновения и усвоения простых слов получил развитие языковой феномен образования производных и сложных слов и словосочетаний. Ярким доказательством этого феномена являются простые заимствованные слова «Хамсы» Хаджу Кирмани, активное участие которых в образовании сложных слов и словосочетаний подтверждается научными методами.

Следует отметить, что в некоторых случаях доказать арабское происхождение определенных слов не представляется возможным. Об этом

свидетельствует и тот факт, что отдельные арабские слова исследователи относят к арабизированной форме персидской лексемы.

Вместе с тем, в ходе выборочного подсчета пяти страниц «Хамсы» установлено, что из 1004 лексем, использованных поэтом, 899 независимо от конструкции относятся к исконно таджикским словам и к словам неарабского происхождения, и только 150 слов являются простыми арабизмами.

Объектом исследования является «Хамсе» Хаджу Кирмани, в которую входят масневи «Равзат уль-анвар» («Лучистый сад») (в размере саре' матви макшуф), «Камал-наме» (в размере хафиф мусаддас махбун), «Гавхар-наме» («Сокровищница тайн») и «Гуль и Навруз» («Цветок и Навруз») (в размере хазадж мусаддас махбун (максур), «Хумай и Хумаюн» (в размере мутакориб мусамман махзуф (максур) [3; 5; 6; 7; 8].

Основной целью исследования является вычленение арабских элементов и их лексико-семантический анализ, такие как анализ простых арабских заимствований, гипотетический подсчет их употребления, частеречная классификация (прилагательное).

В ходе исследования преимущественно использованы *методы* компонентного и семантического анализа, а также статистического подсчета. В ряде случаев применялся и сравнительно-исторический метод.

Несмотря на то, что в «Хамсе» Хаджу Кирмани простые арабские прилагательные по сравнению с простыми арабскими существительными не характеризуются частым употреблением, в целом они встречаются в достаточном количестве. Определить их категориальные признаки без обращения к толковым словарям представляет большую сложность, поскольку большинство прилагательных, заимствованных из арабского языка, пользовались большой популярностью именно в период жизни самого поэта.

Количество простых арабских прилагательных в «Хамсе» достигает около 100 лексических единиц. В качестве примера приведем лишь третью часть арабских заимствований, выраженных прилагательным: адно [3, с. 235], акбар [3, с. 583], ачиб [5, с. 52], аммора [5, с. 207], аьло [6, с. 235], борик [6, с.

183], ғанӣ [6, с. 162], ғариб [3, с. 67], қотёъ [3, с. 340], маймун [3, с. 40], маҳчур [7, с. 180], маҳмуд [7, с. 229], марғул [3, с. 611], марфуъ [7, с. 187], масъуд [8, с. 228], матин [8, с. 164], маъдум [8, с. 738], маъмур [3, с. 765], мозӣ [3, с. 823], муаззам [3, с. 355], муаллақ [3, с. 833], муанбар [3, с. 126], муарбид [3, с. 72], музоб [3, с. 541], муқаддас [5, с. 111], муқаъъар [5, с. 122], мулавван [5, с. 147], мумаррад [5, с. 776], мунаққат [5, с. 98], мунаъъал [6, с. 151], мунҳанӣ [6, с. 92], мураввақ [6, с. 541], мураввах [6, с. 64], мутаббақ [7, с. 57], мутлақ [7, с. 136], мухталиф [7, с. 54], мучассам [3, с. 738], мушаъшаъ [8, с. 254], олӣ [8, с. 91], самин [3, с. 494], сиххат [8, с. 93], соро [3, с. 663], хазро [3, с. 172], ҳалол [8, с. 93].

Среди названных прилагательных для современного читателя наиболее знакомыми являются арабизмы: муқаддас/святой, аҷиб/удивительный, ғариб/чужеземец, ҳалол/дозволенный, аъло/высший, муаллақ/подвешенный, масъуд/счастливый, матин/прочный, олӣ/ высший, имеющие высокую частотность употребления в современном таджикском литературном языке. С точки зрения структурных особенностей арабские прилагательные, заимствованные персидско-таджикским языком, относятся к простым лексемам [см.: 9; 10].

Простые арабизмы, выраженные прилагательным

Басит (широкий, обширный, просторный; пер. бескрайний, необозримый); *чарх* (небесный свод, вселенная); *чархи басит* – бескрайний небосвод: Чархи басит аз хадамаш нозиле, / Баҳри муҳит аз ҳашамаш соиле // Бескрайний небосвод создан служителями, / Ради окружающих вымолвлен просящимися [3, с. 38].

Аъло (превосходный, высший, величайший); *ҷад(д)* (дед, предок); *ҷадди аъло* – самый величайший предок: Низомулмулки Тӯсаш ҷадди аълоост, / Шавад кори низоми мулк аз ӯ рост // Низомулмулк Тус – самый величайший предок, / От него дела страны станут правильными [7, с. 280].

Мозӣ (бывший, прежний); *девон* (административно-руководящий аппарата, власти); На охир соҳиби девони мозӣ, / Ки Яздон бод аз ӯ хушнуду

розй̄ // девони мозй̄ – прежние власти: Ведь даже не владеет прежними властями, / Чтоб доволен стал им Господь [8, с. 318].

Соро (настоящий, чистый); *анбар* (лекарство, мускус); *анбари соро* – чистым мускусом: Хама дар хайриву хоро гирифта, / Хама дар анбари соро гирифта // Все наполнено цветком мальвы и муаром, / Все наполнено чистым мускусом [3, с. 663].

Матин (прочный, крепкий, устойчивый, непоколебимый); *хабл* (веревка, канат, шнур); *хабли матин* – неразрывная нить, прочная нить: Равзаат ошиёни Рухи амин, / Рӯхро домани ту хабли матин // Цветник твой в мире Корана, / Душа твоя связана неразрывными нитями [3, с. 164]. Следует отметить, что словосочетание «*хабли матин*» известно и как кораническое выражение, обладающее метафоричным значением.

«*Забарчад*» (род драгоценного камня, изумруд, изумрудный); *равоқ* (навес, свод); *равоқи забарчад* – изумрудный свод: Алам бар равоқи забарчад задй̄, / Сари тоҷ бар фарқи Фарқад задй̄ // Стяг водрузил над изумрудным сводом, / Возложил корону на голову Фаркада [6, с. 382].

«*Самин*» (драгоценный, ценный); *дурр* (самоцвет, драгоценный камень) *дурри самин* – драгоценное сокровище; Ба даст орад маҳи хиргахнишинро, / Барорад аз садаф дурри саминро // Достигнешь убывающую луну / Вынешь из раковины драгоценное сокровище [3, с. 667].

«*Халол*» (дозволенный, чистый, прот. запретный, нечистый) – *луқма* (еда и пища, кусочек хлеба, пища, еда); *луқмаи ҳалол* – пища, честно добытая самим человеком:

Луқма, ки дар асл набошад ҳалол, / 3-ӯ нафитад мард // Еда, которая на самом деле запретна и нечиста, / Человеку не годится [5, с. 131].

Маймун (счастливый, благоденствующий); *рӯз*; *рӯзи маймун* – счастливый день:

Дар он рӯзи маймун шаҳи бахтиёр, / Ки будаш фалак бандаву бахт ёр // В тот благоденствующий день – счастливый шах, / Которому небеса были услужливы и удача улыбалась [3, с. 558].

Анализ показывает, что некоторые арабизмы, выполняющие функции прилагательного в «Хамсе» Хаджу, вне контекста поэмы не относятся к этой части речи. Например, слово «забарчад» – является конкретным существительным, перешедшим в результате адъективации [1, с. 13; см.: 4] в разряд прилагательных.

Парное употребление арабизмов, выраженных простым прилагательными

В «Хамсе» Хаджу простые арабизмы, выраженные прилагательным, как и простые арабские существительные, употреблены в качестве рифмующихся слов, то есть и в данном случае наблюдается явление парного употребления слов в пределах одного бейта. Далее приводятся толкования пар прилагательных в соответствии с порядком их употребления в бейте:

1. *Мушаъбид* (фокусник, трюкач, пер. хитрец, обманщик); *чарх* (небесный свод, вселенная); *чархи мушаъбид* – обманчивые небеса, колесо фортуны. 2. *Муарбид* (скандальный, затевающий ссору, враждебный, спорщик, интриган); *дахр* (мир, вселенная); *дахри муарбид* – разъяренный мир:

Шуъбада бо чархи мушаъбид мабоз, / Арбада бо дахри муарбид мабоз // Обманщик, не играй с колесом фортуны, / Скандалист, не играй с враждебный миром [3, с. 72].

1. *Ачиб* (удивительный, завораживающий; увлекательный и зрелищный) – *чой* и *манзил* (место, место проживания, место остановки); *чойи ачиб* – удивительное и очаровательное место. 2. *Фариб* (новый, редкий, странный); *мақом* (место, положения); *мақоми гариб* – редкое и новое место:

Манзили худ дид ба чое ачиб, / Дар қафасе тангу мақоме *гариб* // Он увидел свое жилище в удивительном месте, / В тесной клетке и в странном месте [5, с. 52].

1. *Мураввақ* (ясный, сияющий, светлый, блестящий); *хуршеди* (солнце, шамс); *хуршеди мураввақ* – яркое солнце; 2. *Мураббақ* (устойчивый, крепкий, вечный); *чарх* (небесный свод, вселенная, мир); *чархи мураббақ* – вечный мир:

Чашмаи хуршеди *мураввақ* бихоҳ, / Хуни дил аз чархи *мураббақ* бихоҳ //
Об источнике яркого солнца пожелай, / Великого сердца у вечного мира
попроси [6, с.87].

1. *Содиқ* (верный, преданный, беззаветный, правдивый, искренний, чистосердечный); *субҳ* (утро); *субҳи содиқ* – утренняя заря, рассвет. 2. *Бориқ* (блестящий, яркий); *барқ* (молния, природное явление, наблюдаемое на небе вследствие столкновения облаков и положительных и отрицательных электрических веществ); *барқи бориқ* – яркая молния:

Барафрӯзад равони *субҳи содиқ*, / Барангезад *буроқи барқи бориқ* //
Озариться восход утренней зари / Засверкает яркая молния [3, с. 580].

1. *Мукаддар* (темный, тусклый, печальный); *чашмаи айш* (пер. о покое и досуге); *чашмаи айши мукаддар* – прекратившийся отдых, тревожность. 2. *Мушаммар* (собираться на работу в спешке, торопливый, поспешный) – *мулки нишот* (радость, веселье); *мулки нишоти мушаммар* (пер. торопливый радостный край):

Чашмаи айши ту *мукаддар* чарост? / Мулки нишоти ту *мушаммар* чарост?! //
Отчего источник твоего счастья встревожен? / Отчего твой радостный край тороплив?! [8, с. 90].

Подводя итоги исследования, отметим, что правильный подбор и употребление парных арабских прилагательных позволили Ходжу Кирмони достичь в своих стихотворениях изящества языка и тонко выразить свои мысли. Большинство арабских слов, в особенности прилагательных, после заимствования персидско-таджикским языком, в частности в языке рассмотренной поэмы, подверглись семантическим изменениям и стали употребляться в прямом, переносном и метафоричном значениях.

Список литературы:

1. Бобомуродов Ш., Мухторов З. Фарҳанги истилоҳоти забоншиносӣ. Душанбе: [б.и.], 2016. 428 с.

2. Камолиддинов Б. Меъёри забони адабӣ ва забони матбуоти тоҷик. Душанбе: Пойтахт, 2015. 108 с.
3. Кирмонӣ Хочу. Хамса / Таҳия ва тавзеҳи Б. Раҳматов, О. Оқилов ва Ш. Олимова. Хучанд: Хуросон, 2017. 880 с.
4. Сулаймонӣ Саидрахмон. Фарҳанги арабӣ-тоҷикӣ: Дар 2 ҷилд. Душанбе: ЭР-граф, 2005. Ҷ.1. 1046 с.
5. Аттор Фаридуддин. Мантиқ-ут-тайр; Асрорнома. Душанбе: Адиб, 2014. 480 с.
6. Балхӣ Мавлоно Ҷалолуддин Муҳаммад. Маснавии маънавӣ: Дафтари панҷум ва шашум. Душанбе: Адиб, 2013. 480 с.
7. Ганҷавӣ Низомӣ. Хамса: Махзану-л-асрор, Хусраву Ширин. Душанбе: Адиб, 2012. 480 с.
8. Шерозӣ Саъдӣ. Ғазалиёт. Душанбе: Адиб, 2014. 480 с.
9. Ashrapov B.P. Comparative analysis of morphological peculiarities and level of usage of subordinate compound adverbs in Tajik literary language appertaining to 18th-19th centuries (on the example of historical writings referred to as “Tuhfat-ul-khoni” and “Zafar-Name”) [Электронный ресурс] // *Studia Humanitatis*. 2022. № 3. URL: <https://st-hum.ru/node/1160> (дата обращения: 25.12.2022).
10. Ashrapov B.P. Morphological and semantical peculiarities and level of usage of suffix-гоҳ/goh in “Tarjimai Ta’rikhi Yamini” by Jurfodiqoni // *Stephanos*. 2022. № 6 (56). С. 52-58.
11. Ashrapov B.P., Kurbonova S. Morphological peculiarities and level of usage of preposition “bo=with” in Tajik literary language referring to the 18th century (on the example of the historical writing entitled as “Tuhfat-ul-khoni” by Muhammadvafo Karminagi) // *Stephanos*. 2022. № 6 (56). С. 29-35.
12. Kuzieva N.M., Ashrapov B.P. Comparative analysis of morphological peculiarities and level of usage of coordinative compound adverbs in the Tajik literary language appertaining to 18th-19th centuries (on the example of historical

writings referred to as “Tuhfat-ul-khoni” and “Zafar Name” by Khusravi) // Stephanos. 2022. № 5 (55). С. 27-34.

Сведения об авторе:

Додоходжаева Парвинахон Икромовна – преподаватель кафедры грамматики арабского языка Худжандского государственного университета имени академика Бободжана Гафурова (Худжанд, Таджикистан).

Data about the author:

Dodokhojaeva Parvinakhon Ikromovna – Lecturer of Arabic Grammar Department, Khujand State University named after Academician Bobojon Gafurov (Khujand, Tajikistan).

E-mail: parvinakhon92@gmail.com.